

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | LAW

УДК 340.11:004

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.03

5.1.1.

Система российского права: проблемы развития (часть вторая)

Сергей Иванович Архипов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Аннотация. В статье исследуются две принципиально важные проблемы развития системы современного российского права: деления права на частное и публичное, а также изменения состава элементов системы права. Отмечается, что Россия заимствовала у западной правовой цивилизации дуализм частного и публичного права, имеющий не только достоинства, но и существенные недостатки. Частное и публичное право – не один мир, а два разных, в основе которых лежат самостоятельные коммуникативные системы: правовая, построенная на принципах свободы и равенства субъектов, и политическая, созданная по принципу власти, господства одних субъектов над другими. В целях успешного правового развития России предлагается объединить две системы права. Речь идет не о конвергенции, а о качественном преобразовании существующих правовых сфер, создании однородной правовой целостности. Главную роль в процессе формирования единой системы права, по мнению автора, следует отвести профессиональному юридическому сообществу. Право по своей социальной природе должно стать не частным, воплощающим произвол индивидов, и не публичным, выражающим политические интересы государства, а всеобщим; по своему творцу – «правом юристов». В отношении субстрата, «материи» системы права отмечается, что доминирующая сегодня в юридической литературе позиция, согласно которой система права есть совокупность норм, не отражает современную правовую реальность. В частном праве нормы – не единственный и не главный элемент; центральный элемент в нем – это субъект имущественных отношений; кроме субъектов система частного права включает правоотношения, субъективные права, юридические обязанности, нормы, договоры и другие элементы. В публичном праве также существует тенденция к построению диалога между государством и первичными субъектами права – индивидами. Дальнейшая гуманизация публичного права предполагает повышение роли субъекта права в данной сфере, признание его исходным элементом системы права. Также в статье обсуждаются перспективы формирования наднациональной подсистемы права – общечеловеческого права.

Ключевые слова: система российского права, частное право, публичное право, элементы системы права, правовое развитие, общечеловеческое право

Для цитирования: Архипов С. И. Система российского права: проблемы развития (часть вторая) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 33–46. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.03.

The Russian Legal System: Developmental Challenges (Part Two)

Sergey I. Arkhipov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
arhip10@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0154-5494>

Abstract. The article explores two critically significant aspects of the evolution of the system of contemporary Russian law: the dichotomy between private and public law, as well as the changes in the configuration of components that constitute the legal framework. It is noted that Russia has adopted from the Western legal tradition the dualism of private and public law, which, while having its advantages, also presents certain shortcomings. Private and public law do not belong to one world but rather constitute two distinct ones governed by independent communicative systems: the legal one is based on the principles of liberty and equality among individuals, while the political system is rooted in the concept of power, with some entities exercising dominance over others. To ensure the successful legal development of Russia, there is a proposal to merge two legal frameworks. This is not a matter of convergence, but rather a qualitative reshaping of the existing legal realms, resulting in a homogeneous legal whole. The author maintains that the legal profession should take the lead in establishing a unified legal framework. In its essence, law ought to be neither private, reflecting the caprice of individuals, nor public, serving the political agendas of the state; rather, it ought to be universal, emanating from a collective understanding shared by the legal community. Thus, it is the “law of lawyers” that ought to be its source. With regard to the substratum, the “substance” of the legal framework, it should be noted that the prevailing view in contemporary legal scholarship, which conceptualizes the legal system as a collection of regulations, fails to adequately capture the contemporary legal landscape. In private law, the dominant feature is not exclusively constituted by norms; rather, the central place is occupied by property relations. Moreover, the system of private law encompasses a broader spectrum, entailing not only subjects but also legal relationships, subjective rights, legal liabilities, norms, agreements, and a multitude of other components. In public law, there also exists an inclination towards fostering a dialogue between the state and the primary actors in the legal landscape – individuals. The further humanization of public law implies an enhanced role for the individual as a subject of law within this realm, recognizing their status as a fundamental component of the legal system. Further, the article discusses the potential for establishing a supranational legal subsystem – a universal human law.

Keywords: Russian legal system, private law, public law, elements of the legal system, evolution of law, universal human law

For citation: Arkhipov SI. The Russian Legal System: Developmental Challenges (Part Two). *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(2):33-46. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.03.

В статье «Система российского права: проблемы развития (часть первая)», опубликованной в «Вестнике Гуманитарного университета» (2026. Т. 14, № 1), нами были рассмотрены некоторые важные проблемы развития системы российского права: выбора Россией собственного пути правового развития, стратегической цели, к достижению которой необходимо стремиться; разграничения системы права и политической системы, дифференциации права от политики; отраслевого деления права и формирования функциональных нормативно-правовых массивов. В продолжение темы остановимся на других важных проблемах развития системы российского права: проблеме деления права на частное и публичное; проблеме изменения состава элементов системы права; перспективах формирования наднациональной подсистемы права – «общечеловеческого права».

Для российской правовой науки принципиально важной была и остается проблема деления права на частное и публичное. В современной России происходит возрождение частного права, и в этом, на наш взгляд, есть большая заслуга основателя уральской школы теории права, главного идеолога создания Гражданского кодекса Российской Федерации С. С. Алексеева. Он в своих трудах последовательно отстаивал необходи-

мость формирования в стране частноправового уклада, писал об особой миссии частного права в наше время, выделяя два момента: 1) «частное право является носителем цивилизованной свободы... ее исконной, первородной обителью»; 2) наиболее мощным средством для формирования единой, непротиворечивой основы деятельности людей... для интеграции, для объединения людей, территорий, государственных образований» [Алексеев 2010, с. 360–361] (подробный анализ концепции частного права С. С. Алексеева см.: [Семитко 2024, с. 477–499]). С. С. Алексеев резонно полагал, что без частного права в России нельзя сформировать цивилизованную рыночную экономику, а также в принципе невозможно становление и развитие современного гражданского общества. Он отмечал, что частное право – общекультурная ценность, фактор целостности и единства человеческой цивилизации, социально-правового прогресса.

Можно констатировать, что за тридцать лет, прошедшие после принятия части первой Гражданского кодекса РФ, частноправовой уклад в целом сформирован в России, идея частного права укоренилась в общественном сознании и в юридической науке. В связи с этим возникает вопрос о стратегии развития системы российского права в долгосрочной перспективе и месте в нем главного деления правовых норм на две основные сферы: частного и публичного права. Должно ли это деление определять будущее российского права или оно имеет исторически преходящий характер?

Идея разграничения права на частное и публичное зародилась в западной культуре, которой свойствен индивидуализм, атомистическое сознание. В восточных культурах, где личность растворяется в государстве, во всеобщем, для нее нет социальной почвы. Например, в Древнем Китае правители не видели смысла закреплять и осуществлять посредством законов частные интересы. Хань Фэй в III в. до н. э. писал: «Необходимо выяснить, что такое частное и что общее, и расследовать законы. Прежние цари понимали это» [Антология мировой мысли 1999, т. 1, с. 504]. По его мнению, законы устанавливаются для упразднения частного во имя общего: «...когда законы действуют, частным интересам нет места; частное вносит смуту в закон. Поэтому основное положение и гласит: закон вносит порядок, интересы частных лиц – смуту. Когда законы установлены, нельзя делать того, что преследует личные цели» [Там же, с. 505]. По мнению китайского мыслителя, законодатель должен разграничивать общий и частный интересы, но не для того, чтобы придать им значение самостоятельных, образующих систему права элементов, а чтобы исключить частное из права и закона.

В дореформенной царской России, как и в Китае, отсутствовали социально-политические и культурно-исторические предпосылки для разделения права на частное и публичное. Как отмечал М. М. Сперанский, «от самой древности до времен наших, российское законодательство, исключая двух эпох: при Ярославе и при Петре Великом, действовало и возрастало собственными своими природными силами, и, может быть, одно во всей Европе ничего почти не почерпало в общем источнике законов, в римском праве» [Русская старина 1876, с. 596]. Первый юридический документ, который, по его мнению, имел целью сближение российского права с континентальным европейским, – Наказ Екатерины II, оказавший определенное влияние на умы отечественных юристов и политических деятелей, но при этом не ставший действующим актом. Российский правовед отмечал внутреннюю противоречивость римского деления законов на естественные и положительные, публичные и частные, полагал, что «сия система, во-первых, есть произвольна и неудобна, и, во-вторых, не может быть приложена к российскому законодательству» [Там же, с. 593]. Разделение законов на публичные и частные, согласно представлениям М. М. Сперанского, неправильно и произвольно: закон состоит из двух частей, из правила и его охранения, охранение всех законов есть сила государственная (публичная), следовательно, все законы суть публичные.

В античном сознании идея разграничения частного и публичного права вызревала постепенно. В Древней Греции гибкая система демократического устройства и соответствующий ей образ мысли не предполагали радикального противопоставления частного интереса публичному. Аристотель хотя и писал в «Риторике» о частных законах, но

не в том смысле, в каком их понимали римские юристы: «Я утверждаю, что существует закон частный и закон общий; частным я называю тот закон, который установлен каждым народом для самого себя; этот закон бывает и писанный, и неписанный. Общим законом я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого» [Аристотель 1894, с. 63]. Греческий философ не противопоставлял частные законы общим, в его рассуждениях частное понималось как особенное.

Иной позиции придерживался Демосфен: «Есть... два вида правовых отношений, которые отражены в законах всех государств. Первый из них определяет отношения между согражданами, существующие между ними связи. На их основе решаются частные дела, ими регулируется жизнь сообщества людей. Другой вид таких отношений определяет, как мы должны вести себя по отношению к государству, чем должен руководиться гражданин, собирающийся выступать на политическом поприще и проявляющий, по его словам, заботу о государственных делах» [Демосфен 1994, с. 295]. Внешне заметно сходство его взглядов на право со взглядами римских юристов, позицией Ульпиана, но есть важный нюанс. Для Демосфена, как и для других греческих мыслителей, в отличие от римских юристов, в основе отношений, складывающихся в сфере государства, лежала не идея власти, созидающей собственное право, а идея общей пользы, а также идея социальной справедливости. Власть должна служить народу, быть ответственной перед ним. По мнению Демосфена, законы, регулирующие частноправовые отношения, должны быть мягкими, гуманными; напротив, законы, регулирующие правотворческую и иную деятельность политиков, «должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы, ибо только при таком условии можно ограничить вред, который политические деятели способны причинить большинству народа» [Там же]. В речи против Тимократа он напомнил судьям слова Солона о том, что им следует гораздо более сурово карать тех, кто принимает порочные законы, портит правовые средства обращения в государстве, в сравнении с теми, кто подделывает монету, служащую частным лицам (см. подробнее: [Архипов 2025, с. 6–7]).

Если в Древней Греции идея разделения права на две сферы – это философская мысль, еще не ставшая главным принципом организации правовой материи, то в Древнем Риме она уже приобрела правовое значение. Согласно формуле Ульпиана, публичное право относится к положению римского государства, а частное – к пользе отдельных лиц (D.1.1.1.2). До Ульпиана идея разделения права на частное и публичное в различных вариациях была сформулирована Титом Ливием (см.: [Римское частное право 2014, с. 1–2]), Гаем (см.: [Антология мировой правовой мысли 1999, т. 1, с. 320–321]), Цицероном (см.: [Там же, с. 254–255]). Для Древнего Рима эта идея имела не только технико-юридический смысл, она была правовым отражением «бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности» (Г. В. Ф. Гегель).

Р. Иеринг обращал внимание на то, что Древний Рим с самого начала был чем-то искусственным, насильственным, что возник он как разбойничье государство в результате объединения преступников, авантюристов, других антисоциальных элементов. Состояние необузданности и беззакония – это, по его мнению, правовые истоки Древнего Рима, который представлял собой «скопище индивидуумов, атомов, ничем не соединенных, кроме своего неукротимого духа и общей цели грабежа» [Иеринг 1875, с. 82]. Квинтэссенция древнеримского воззрения на жизнь и право заключалась, по мнению Иеринга, в том, что каждый отдельный индивид мог сам, своим мечом и копьем, творить собственное право, устанавливать границы дозволенного, присваивать чужую собственность и защищать ее от других [Там же, с. 95].

На насильственный, искусственный характер римской государственности и права также указывал Гегель. По его мнению, именно этой несвободной, бездушной и бессердечной рассудочности римского мира мы обязаны возникновением и развитием положительного права; римляне придумали правовой принцип, внешний, т. е. не зависящий

от настроения и чувства, произвели великое правовое разграничение, они формально подарили нам многое, но мы не должны делать себя жертвами этой сухой рассудочности, «считая ее для себя окончательным воплощением мудрости и разума» [Гегель 1935, с. 273]. Немецкий философ полагал, что развитие частного права в Риме стало следствием разложения социального строя, римской государственности: «Живой государственный организм и одушевлявший его римский образ мыслей низведены теперь к раздробленности мертвого частного права. Подобно тому как при гниении физического тела каждая точка его начинает жить своею отдельной жизнью, но это лишь жалкая жизнь червей, так и здесь государственный организм распался на атомы частных лиц» [Там же, с. 299–300].

Гегелевский «патолого-анатомический» диагноз состояния гражданско-правового строя Древнего Рима периода его разложения на атомы частных лиц, а также его скепсис в отношении созданного римскими юристами «великого правового разграничения» – это повод для сторонников формулы Ульпиана к ее критическому переосмыслению. Гегель и Иеринг с разных сторон пришли к одному и тому же «знаменателю», к выводу, что римское государство и его правовой строй – не естественное образование, возникшее в ходе политико-правовой эмансипации социума, не норма, не эталон нравственно-правового генезиса, закономерного созревания государственного строя, а скорее социальная аномалия. Согласно Гегелю, римское деление права на частное и публичное не содержит внутреннего принципа правового развития, в нем не заключена идея права с точки зрения ее осуществления.

Современная западная цивилизация унаследовала древнеримские представления о праве, а вместе с ними и идею разделения права на частное и публичное. Освоение чужого правового опыта не ограничилось внешней формой, отдельными понятиями, категориями, конструкциями, правовыми институтами, римский «дух» проник в европейское политическое и правовое сознание, он сегодня определяет образ мыслей современных западных юристов, постановку и решение ими практических правовых задач. Как утверждал Р. Иеринг, «наше юридическое мышление, наш метод, наша манера созерцания, короче, все наше юридическое образование сделалось римским» [Иеринг 1875, с. 12].

Возможно, по этой причине западная правовая наука пошла не по пути формирования принципиально новой системы права, отражающей современные реалии и основывающейся на ином высшем делении правовых сфер, а по пути укрепления теоретического фундамента «развалины великолепного здания» (М. М. Сперанский) римского права. На протяжении нескольких столетий лучшие умы Европы пытаются разрешить глубокие противоречия, обосновать логическую стройность и универсальный характер римского деления права, а также необходимость его использования в будущем. Многие известные западные юристы до сих пор убеждены, что в нем заключена сама сущность права, его социальная природа.

На наш взгляд, для западной цивилизации, как и для Древнего Рима, деление права на частное и публичное – это не технико-юридическая и не чисто научная проблема, это проблема «социально-генетическая» – внутреннего устройства западного мира и глубинных структур его общественного сознания. В западном мире индивиду как правовому атому, «суверену» противостоит другой «суверен» – государство, одна крайность предполагает и уравнивает другую. В политико-правовом генотипе *Homo Occidentalis* (человека западного) сосуществуют два враждующих между собой «гена»: один – индивидуальной свободы, личного произвола; другой – «ген Левиафана». Каждый из них порождает свое право. Главное правовое деление поддерживается внутренней структурой западного сознания, которое полярно: на одном полюсе – стремление присвоить себе окружающий мир (в этом отношении западная цивилизация превзошла Древний Рим), на другом – необходимость защитить себя от враждебных частных элементов посредством политического господина, суверенного Левиафана. Сценарий развития западного мира – это уже описанный Гегелем процесс «бесконечного разрыва

нравственной жизни на две крайности» и распада государственного организма на атомы частных лиц.

Частное и публичное право в современном обществе – это не отрасли права и даже не суперотрасли с точки зрения сформировавшихся в российской юридической науке представлений об отраслях. С. С. Алексеев их образно именуется «галактиками», отдельными «континентами» [Алексеев 2010, с. 348], что, на наш взгляд, отражает их удаленность друг от друга и их принципиальную несхожесть (см. подробнее: [Семитко 2024, с. 478–490]). Действительно, они не только по «материи», но и по своей природе принципиально различны. На это обстоятельство обращал особое внимание Л. Гумплович: «В то время как частное право представляет из себя норму, правило, предписание для суждения об известных деяниях и отношениях отдельных личностей, – государственное право является юридическим *выражением действительных отношений властвования* (выделено мной. – С. А.)» [Гумплович 1910, с. 380]; «слово “право” употребляется здесь совсем не в обычном смысле, так как в данном случае оно не обозначает тех постановлений, которые издаются государством для соблюдения их отдельными лицами; нет, здесь оно означает самую организацию, поддерживающую государство; тут под словом “право” кроется совокупность тех мероприятий, которыми оперирует государство для сохранения своей силы, для того, чтобы осуществлять свое властвование и справляться со своими судебными и карательными функциями» [Там же, с. 379–380].

Частное и публичное право – не один мир, а два разных мира, в основе которых лежат самостоятельные коммуникативные системы: правовая, построенная на принципах свободы и равенства субъектов, и политическая, организованная по принципу власти, господства одних субъектов над другими. За внешним разделением двух правовых «галактик» лежит внутреннее разделение, расчленение *Homo Occidentalis* на две враждующие половины: на человека правового, стремящегося к свободе, и политическое существо, не способное существовать без Левиафана. Одними теоретическими построениями и законодательными реформами проблему частного и публичного права не решить, поскольку эта проблема в своей основе – антропологическая. Нельзя изменить сформировавшиеся в течение веков социально-правовые структуры, не меняя при этом их основу, общественное сознание, социально-культурный генотип человека.

У идеи деления права на частное и публичное есть внешние – рациональные – основания, а есть глубинные, невидимые, скрытые в подсознании западного человека иррациональные корни. Н. Рулан, исследуя глубинные истоки западного политико-правового сознания, пришел к выводу, что тотемизм свойствен не только традиционным обществам, но и современным европейским. Им тоже знакомо понятие тотема, но в качестве последних выступают не животные, явления природы или объекты растительного мира, а социальные сущности. Среди таких тотемов современного общества антрополог выделил государство и закон, государство – как одно из главных мифических порождений западного сознания: «государство стремится занять место в нашем сознании, ранее принадлежавшее Богу» [Рулан 2000, с. 245]. Государство, политическая власть прибегают к мифам в целях своего самоутверждения и для осуществления политического господства. Миф о законе – также один из «опорных столбов» права (Н. Рулан), инструмент подчинения индивида государству. Власть, представляя закон как общую волю народа, скрывает тем самым истинную политическую природу принимаемых ею (в форме закона) решений.

Западное мифологическое сознание – это та почва, без которой невозможно существование публичного права. Без веры в государство – суверена, стоящего над обществом, принимающего мудрые законы и обеспечивающего общественный порядок и социальную справедливость, рушится фундамент системы публичного права. И решающий вклад в формирование мифа о государстве-суверене вносят юристы, научно обосновывающие и пропагандирующие идею государственного суверенитета, независимости государства от народа. Вместо того чтобы быть священнослужителями права и свободы, они возложили на себя миссию служителей политической власти. Юристы

со времен Т. Гоббса навязывали европейцам представление о государстве – «большом человеке», высшем существе, без политической опеки которого социальным атомам невозможно обойтись.

Система права, основанная на признании двух суверенов (индивида и государства), творящих собственное право и руководствующихся при этом своими особыми интересами, является внутренне дефектной, порочной, поскольку в ней отсутствует единство, целостность. Она соткана из неразрешимых противоречий, крайностей, которые делают ее неустойчивой и непрочной. Вследствие этого возможны два негативных сценария дальнейшего развития: разложение ее на атомы частных лиц, о чем предупреждал Гегель, либо полное их поглощение государством. Задача законодателя и профессионального правового сообщества заключается в том, чтобы не допустить ни того, ни другого. Юристам не следует руководствоваться идеей стихийного эволюционного процесса, предполагающего способность социальной системы самостоятельно разрешить существующие внутренние противоречия и достичь совершенства, поскольку эта идея делает западную цивилизацию заложницей неконтролируемых ею сил. Распад социально-правового строя Древнего Рима, который не смогли ни предвидеть, ни остановить самые профессиональные юристы мира, свидетельствует о реальности подобного сценария, особенно если учесть, что западный правовой мир создан по римским «лекалам».

Россия триста лет назад избрала западный путь развития и систему римского деления права на частное и публичное, что вызывает необходимость прогнозировать возможные риски сделанного правового выбора и стремиться избежать его негативных последствий. Сегодня нам нужна стратегия развития системы права на долгосрочный период, определяющая, в каком направлении законодателю и правовому сообществу следует идти. Наиболее разумным решением, на наш взгляд, является синтез частного и публичного права, в результате которого «всеобщее должно деятельно осуществляться, но вместе с тем субъективность должна обрести полное и жизненное развитие», «особенный интерес не должен быть отстранен или даже подавлен, а должен быть приведен в согласие со всеобщим, благодаря чему будет сохранен он сам и сохранено всеобщее» [Гегель 1990, с. 286, 288].

Частное право включает в себе лишь основу правового мироустройства, исходные принципы правовой коммуникации (свобода, формальное равенство, справедливость), но оно не содержит всех необходимых элементов. Его цель ограничивается совмещением произволов, эгоистических устремлений отдельных лиц, она не простирается до создания такой социальной системы, где интересы каждого субъекта права получили бы постоянную гарантию их соблюдения, всеобщее признание. Перед частным правом не стоит задача создания совершенной правовой организации общества. Поскольку с точки зрения частного права собственность и договор имеют частноправовую природу, то у собственников и участников договорных отношений нет оснований требовать гарантий соблюдения их прав со стороны третьих лиц и государства. Чтобы собственность и договор получили социальное признание, стали правовой реальностью для других лиц, они не должны быть частным делом. В праве как социальной системе не может быть изолированных частных лиц, каждый участник правового взаимодействия – это элемент, звено единого правового целого, член общей правовой корпорации. Покупатели и продавцы не сами осуществляют свой правовой интерес, а посредством другого или других лиц, поэтому только в рамках общей правовой корпорации их особые правовые интересы могут быть гарантированы и осуществлены. Частному праву недостает всеобщности, оно представляет собой незавершенный правовой конструкт, неполноценную правовую сущность.

Публичное право также еще не есть право в его завершенном виде. Поскольку оно основано на политической идее государственного суверенитета, независимости государства от своих граждан, то его всеобщность является мнимой, иллюзорной. Государство претендует на роль выразителя общественных интересов, но в силу своей

политической природы не является таковым. Сама идея суверенитета предполагает отчуждение государства от индивидов, отрыв его воли от воли частных лиц. Властно-политическая природа публичного права препятствует его трансформации в «право для всех».

В России в целях успешного правового развития, социально-правового прогресса целесообразно объединить две разрозненные, противостоящие друг другу системы – частного и публичного права. Нужна не конвергенция, не сочетание чужеродных элементов, не микс из частных и публичных норм, а качественное преобразование существующих правовых сфер для создания однородной правовой целостности. Главную роль в процессе формирования единой системы права призвано играть профессиональное юридическое сообщество. Юристы должны заниматься не созданием мифов о государстве-суверене, его независимости от граждан, от народа, а своим профессиональным делом – правотворчеством, совмещением посредством законов интересов и воли участников правовых отношений. Право по своей социальной природе должно стать не частным, воплощающим произвол индивидов, и не публичным, выражающим политические интересы государства, а всеобщим; по своему творцу – «правом юристов».

Одной из важных целей при осуществлении синтеза частного и публичного права должно быть создание системы социального регулирования, у которой будет качественно иной, нежели у существующих политико-юридических систем, уровень регулятивного воздействия, социальной эффективности. Политическое государство, формируя и поддерживая посредством публичного права пирамиду властных отношений, нивелирует существующие в обществе механизмы социальной регуляции, самосохранения. Вместо сложившихся в течение веков социальных институтов, норм оно навязывает обществу собственную властно-принудительную систему регулирования, обеспечиваемую уголовными и административными санкциями. Но система права, которая строится преимущественно на внешнем насилии, не основанная на общей воле, на традиционных ценностях, с точки зрения своего регулятивного потенциала является малоэффективной. П. А. Кропоткин, известный географ, исследователь Сибири, а также революционер-анархист, отмечал, что у северных народов (эскимосов, алеутов), не знавших политической государственности и публичного права, убийство членов своего племени было «делом *совершенно неизвестным*», «не было ни одного убийства *внутри племени* в течение 50-ти, 60-ти или более лет» [Кропоткин 1920, с. 152]. Совершенно иная картина в самых «передовых» странах западного мира, где убийства, другие тяжкие преступления – это обыденные явления.

В системе всеобщего права главная гарантия осуществления норм – внутренняя заинтересованность субъектов в их исполнении, их общая воля, выраженная в законе. Иная основа – прочный социальный фундамент формируемой в процессе синтеза частного и публичного права регулятивной системы – дает возможность возродить механизмы социальной саморегуляции, самосохранения общества. Эффективность права многократно возрастет, если оно будет действовать в унисон с другими социальными нормами. Законодателю важно добиться синергетического эффекта от совмещения норм права с иными социальными регуляторами: моралью, религией, обычаями. Что касается принудительных мер воздействия, то они необходимы в качестве дополнительной, внешней гарантии соблюдения правопорядка, но при этом принципиально важно «оторвать» правовое принуждение от политической власти, механизмов политического господства.

Еще одна важная проблема, связанная с развитием системы российского права, – изменение состава ее элементов, внутренней структуры. В советской правовой науке, как уже отмечалось ранее, сформировался инструментальный, технико-юридический взгляд на систему права и ее элементы. Она большинством юристов рассматривалась как однородная целостность, состоящая исключительно из норм права. Такое понимание системы права вполне объяснимо, учитывая ту цель (диктатура пролетариата), для достижения которой создавалось советское право, и отношение государства, комму-

нистической партии к нему как институту классового господства. Система советского права была построена не на принципах правового общения, диалога государства с обществом, а на политико-правовом диктате, на властно-принудительном подчинении граждан воле государства, зафиксированной в нормах права. В этой системе иные элементы правовой «материи» (правоотношения, субъективные права и т. д.) были лишними, ненужными.

В современной российской юридической науке сложившийся в советский период подход к пониманию системы права в целом сохранился, хотя правовая сфера и отношение общества к праву существенно изменились. Наряду с публичным правом, представляющим собой систему властных норм, возникло частное право, где действуют иные принципы, формируется другая правовая среда. В рамках частноправовой сферы складывается конкурирующая с публичным правом отдельная подсистема права со своим составом элементов, своей правовой «материей». Нормы права в ней – не единственный и даже не главный элемент. Центральный элемент в системе частного права – это субъект имущественных отношений, частноправовое лицо. Как отмечал И. А. Покровский, «в одних областях отношения регулируются исключительно велениями, исходящими от одного единственного центра, каковым является государственная власть», в других областях существует система юридической децентрализации, которая «по самому своему существу предполагает для своего бытия наличность множества самоопределяющихся центров. Если публичное право есть система субординации, то гражданское право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы» [Покровский 2001, с. 38, 40].

Государственная власть устанавливает посредством законов границы частноправовой сферы, пределы частноправовой свободы, но в рамках этих границ субъекты права принимают свои собственные правовые нормы, корпоративные и иные правила, регулирующие их отношения в сфере предпринимательской и некоторых других видов деятельности. Главный, стержневой элемент системы частного права, если следовать позиции И. А. Покровского, – это самоопределяющийся правовой центр. Он формирует правовые отношения, создает совместно с другими хозяйственными центрами нормы права, осуществляет правовую деятельность. Нормы права в частноправовой сфере не являются самостоятельными и самоценными элементами системы права, они производны от субъектов права, от их воли, интересов. Социально-правовая природа этих норм иная, отличная от природы норм публичного права. Если последние представляют собой односторонние властные веления, императивные правила, установленные и поддерживаемые государственной властью, то нормы частного права – это правила, выработанные в результате согласования воли, совмещения произволов частных лиц; их природа не властная, а договорная.

У каждой из двух правовых подсистем своя логика, свои принципы и элементы. Подсистема публичного права состоит из властных норм; подсистема частного права – из субъектов (имущественных центров), возникающих между ними юридических связей, правоотношений, субъективных прав, юридических обязанностей, принимаемых совместно с другими частными лицами норм, заключаемых между ними договоров, она также включает в себя и другие элементы правовой «материи» (односторонние сделки, корпоративные акты и т. д.). Одну правовую подсистему можно определить как *властно-регулятивную*, другую – как *коммуникативную*, одна система включает в себе должное, другая – сущее, правовую реальность в ее многообразии и динамике.

Первые попытки рассматривать право как коммуникативную систему были приняты еще в дореволюционном правоведении. По мнению Н. М. Коркунова, право – «продукт сознания людей, соединившихся в общении... право требует людского общения и обнимает лишь тех людей и те стороны человеческих интересов, стремлений, какие составляют содержание общения»; само право порождается человеческим общением, оно (право) «полагается в каждом отдельном общении самим же общением, как

норма взаимных отношений его участников» [Коркунов 1886, с. 284–285]. С коммуникативных позиций исследовал право С. А. Муромцев, для него закон борьбы интересов – это не только могущественный двигатель социальных явлений, но и важнейший фактор зарождения, развития права, его институтов [Муромцев 1879, с. 36–37]. В сфере гражданского, частного права он особо отмечал значение «деятелей, которые создают и движут гражданское право» [Там же, с. 48], подчеркивал необходимость изучения факторов, стимулов, законов, которые управляют ими. К числу российских правоведов, рассматривавших право с коммуникативных позиций, также можно отнести М. М. Ковалевского. В качестве единого источника формирования государства и права он называл человеческую солидарность, понимаемую им как проявление тесной социальной связи, существующей между людьми. Развитие права, по мнению ученого, неразрывно связано с укреплением чувства общественной солидарности, расширением замиренной социальной среды (см. подробнее: [Архипов 2020, с. 9–14]).

Как представляется, социально-правовой почвой для возникновения подобного рода воззрений стало зарождение в России частного права – правового института свободы, рационального взаимодействия, общения людей на основе принципов формального равенства, справедливости и общей выгоды. На этом же фундаменте, можно предположить, появились концепции, согласно которым не норма является исходным элементом системы права, а субъект права. Одним из авторов такой концепции в дореволюционной юридической науке был Л. И. Петражицкий, который в качестве элементов системы права выделял субъектов права (для него это не телесные, физические субстанции, а плод человеческого сознания, психики), а также нормы права, правовые отношения, субъективные права, юридические обязанности и объекты прав [Петражицкий 1900, с. 9–18].

Другой российский правовед, Н. Н. Алексеев, полагал, что внутреннее строение права нельзя сводить к одному измерению: к системе юридических норм, институту свободы, особому социальному порядку и т. д. Он выделял феноменальную структуру права, представляющую единство нескольких измерений, и в ней в качестве главного элемента – субъекта, понимаемого им как деятеля, как носителя «актов, обнаруживающих ценности, в частности, актов признания» [Алексеев 1999, с. 74]. Второй элемент структуры права в его концепции – система правовых ценностей, среди которых есть высшие (идея справедливости) и низшие. Третий элемент – правомочия и юридические обязанности, заключающие «нравственную необходимость ценностного порядка».

Таким образом, уже в дореволюционном правоведении начал формироваться неопозитивистский подход к пониманию системы права, более широкий взгляд на внутреннее устройство правовой сферы. По прошествии века российская юридическая наука вновь возвращается к дореволюционному теоретическому наследию, к идеям, сформулированным Н. М. Коркуновым, Л. И. Петражицким, И. А. Покровским, Н. Н. Алексеевым, М. М. Ковалевским, другими известными правоведом. На наш взгляд, сегодня назрела необходимость дальнейшего развития широкого подхода к пониманию системы права, учитывающего современную правовую реальность и тенденции развития российского права.

Если в советской юридической науке субъекту права было отведено «почетное» место элемента состава правоотношения, промежуточного звена между объектом и содержанием правоотношений, что, на наш взгляд, в целом отражало ценность человеческой личности в авторитарной социально-правовой системе, то в современном российском правоведении отношение к субъекту права меняется, однако он до сих пор не вышел из «тени» нормы права. С одной стороны, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью (ст. 2 Конституции Российской Федерации), с другой стороны, с точки зрения сложившихся представлений о системе права он не рассматривается правовым сообществом в качестве исходного начала в системе правовых координат. Юристам необходимо привести в соответствие свои представления о ценности человеческой личности и о ее месте в системе права. Норма как технический, служебный элемент не

может быть первоосновой системы права, «заслонять» собой субъекта права. Субъект права – это правовой Абсолют, которому должно служить государство, ему должно принадлежать центральное место в системе права. Это касается не только частного, но и публичного права. Система права – не скопище норм, не «рояль», играющий сам по себе, а субъектно-коммуникативная система, особый мир, созданный правовыми деятелями в результате их правового взаимодействия, в котором у юридических норм может быть лишь второстепенная роль.

Без субъекта права система права нежизнеспособна, в ней заключены его интересы, цели, устремления, он оживляет ее, приводит в движение. Достижение системой права состояния органической целостности, ее способность развиваться, совершенствоваться, прогрессировать возможны лишь в случае наличия в ней субъекта права. Без него она является неодушевленной, представляет собой мертвый технический инструментарий.

Современный период правовой истории человечества можно определить как начало эпохи перехода от политически зависимых, ангажированных правовых систем к относительно автономным, дифференцированным системам права. Это сложный для участников правовой коммуникации и профессионального юридического сообщества этап, когда право еще не стало независимой, обособленной от политики, религии, морали коммуникативной системой общества, еще только начинается борьба за правовую свободу и автономию. Процесс автономизации права предполагает качественные изменения самой системы права, состава ее элементов, связей между ними. Еще более масштабные изменения, трансформации ожидают систему права в тот период социально-правового развития, когда, по мнению И. Канта, достигается конечная цель социальной истории человечества. Речь идет о всеобщем гражданско-правовом состоянии – справедливом и разумном устройстве общества, в котором свобода получит наиболее полное воплощение.

В кантовском прогнозе социального будущего право – не просто одна из коммуникативных социальных подсистем, а высшая среди них. Мир должен быть устроен на правовых началах, на основе правовых принципов. Для Канта право само по себе есть цель, причем главная цель социального развития человечества (см. подробнее: [Семитко 2024, с. 471 и сл.]). Согласно Канту, «во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей» [Кант 1988, с. 306], поэтому не только «вся политика обязана преклонить колени перед правом» [Кант 1994, с. 49], но и «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты, как действия по долгу, и сводить их к праву» [Кант 1988, с. 308]. И религиозные деятели в соответствии с правом, исходными правовыми началами, должны стремиться не к дальнейшему разделению на толки, конфессии, как в системе политического мироустройства, а к единению, согласию.

Если следовать Канту, то право, достигая высшей, кульминационной точки в своем развитии, становится явлением глобального, общепланетарного масштаба – формой социального мироустройства всего человечества, не сводимой ни к совокупности юридических норм, ни к отдельной коммуникативной подсистеме общества. Все социальные сферы, включая устройство государства на различных уровнях, организацию гражданского общества, межнациональные, международные отношения, семейный быт, учреждение и функционирование корпораций, должны основываться на принципах права, на правовых нормах. Это означает, что существующие сегодня «узкие» и «широкие» подходы к пониманию системы права окажутся неактуальными, не соответствующими масштабам расширяющейся «правовой Вселенной».

Теория системы права, на наш взгляд, должна строиться исходя из логики правового развития, учитывая не только те цели, которые лежат в основе действующего права, но и конечную, стратегическую «цель» права. По мнению Канта, насущные интересы и инстинкт самосохранения «подталкивает» человечество к объединению во имя всеобщего мира. В соответствии с разумом нет другого пути у народов для достижения

всеобщего мира, кроме создания единого государства народов, но исходя из эгоизма государств, их стремления к суверенитету, «чтобы не все было потеряно», немецкий философ предлагал согласиться на «негативный суррогат союза, устраняющего войны» [Кант 1994, с. 22]. При этом Кант осознавал, что «негативный суррогат союза» – не совсем надежная конструкция для осуществления проекта всеобщего мира, поэтому предлагал укрепить ее посредством института всемирного гражданства. Однако в случае практического осуществления данной идеи вместо внешнего, непрочного союза суверенных государств может возникнуть нечто совершенно иное – общепланетарное наднациональное государство со своей собственной системой права. Это не система международного права, созданная суверенными государствами для взаимного сдерживания их произволов, а система права, которая основана на общих интересах человечества. Очевидно, что осуществлением проекта всеобщего мира институт всемирного гражданства не ограничится. Самые разные общемировые проблемы, возникающие в сфере межнациональных отношений, защиты прав и свобод человека, гарантий собственности, инвестиций, межгосударственной торговли, туризма, денежных расчетов между странами, экологии и т. д., могут быть решены на наднациональном уровне. Таким образом, речь идет о создании отдельных подсистем права: национально-правовых для каждого народа, нации и всемирной для всего человеческого рода.

Ю. Хабермас справедливо оценил идею Канта о трансформации международного права как правовой системы, созданной для государств, в общечеловеческое право (*Cosmopolitan law*) как систему, созданную для индивидов, в качестве *революционной* [Хабермас 2003, с. 18]. Действительно, данная идея, на наш взгляд, является «путеводной» для теории системы права, а также для учения о правовом прогрессе человечества. Вечный мир, согласно представлениям Канта, может быть достигнут в результате перехода от международного к космополитическому порядку.

Ю. Хабермас полагает, что в XX веке были воплощены в жизнь более радикальные идеи, чем кантовский проект мира. К ним он относит Устав ООН, Декларацию прав человека, запрещение агрессивных войн, ограничение принципа невмешательства в дела суверенных государств, другие идеи, принципы и правовые механизмы [Хабермас 2003, с. 18–19]. Однако, несмотря на вышеперечисленное, по нашему мнению, преждевременно утверждать, что Кант «устарел», что его идеи утратили актуальность. В учении Канта есть крайняя точка, вершина, к которой следует стремиться, – право человечества и наднациональное государство, и есть компромиссный вариант – система международного права и «суррогатный» союз государств во имя мира. Временный компромисс не отменяет главную цель правового развития человечества. Двадцатый век – это век международного права, его становления, развития и постепенного упадка, разложения. Международное право, как и союз во имя мира, – полезные средства, но недостаточные для решения глобальной проблемы искоренения войн. Посредством международного права, а также отдельных союзных соглашений невозможно окончательно решить данную проблему, для достижения всеобщего мира необходима система общечеловеческого права и соответствующие ей государственно-правовые структуры. И здесь важно обратиться к недооцененной идее Канта о мировом гражданстве.

Идея мирового гражданства немецкого философа представляет собой не просто дополнение, «подпорку» к его проекту вечного мира. Это новация, которая в случае ее осуществления кардинально меняет «правила игры» во внешнеполитической сфере. По сути, Кант предложил создать «троянского коня», способного разрушить изнутри сложившуюся политическую систему международных отношений. Посредством института мирового гражданства может быть создан эффективный противовес агрессивной государственной политике, сдерживающий, ограничивающий всевластие суверенных государств на международной арене. Главный природный инстинкт, присущий человеку, – инстинкт самосохранения, игнорируемый воинствующими государствами, получает юридическую защиту и форму выражения в институте мирового гражданства и в наднациональных государственно-правовых структурах.

Наднациональная государственно-правовая структура, основанная на институте мирового гражданства, – это организация, представляющая не нации, как ООН или Лига наций, не государства, а все человечество. Ее вердикт о незаконности агрессии одного государства по отношению к другому государству есть акт всеобщего правового осуждения действий агрессора, совершившего неправомерные действия. Кроме правового осуждения, у наднациональной государственно-правовой структуры должны быть механизмы оперативного реагирования на агрессивные действия государств, возможность применения различных правовых санкций в отношении агрессора.

Опыт создания и функционирования Европейского Союза как континентальной наднациональной государственно-правовой структуры, на наш взгляд, подтверждает реалистичность кантовской идеи всеобщего мира. Союз во имя мира возможен, особенно если он подкреплен тесными хозяйственными, производственными связями, торговыми соглашениями, культурным обменом между странами, интеграцией в сфере образования, науки. В этом случае фундамент для осуществления идеи всеобщего мира будет гораздо более прочным, основательным, чем при наличии одного лишь мирного соглашения. Главное, чтобы наднациональные государственные структуры изначально были основаны на принципах правовой коммуникации, важно не допускать политизации отношений между субъектами в рамках осуществления проекта всеобщего мира.

И. Кант, как предполагает Ю. Хабермас, опасался такого негативного сценария, проявления деспотизма при формировании государства народов [Хабермас 2003, с. 17]. Думается, что его опасения были не напрасны: общественное сознание, которое еще окончательно не освоило правовые принципы коммуникации, еще не окрепло с правовой точки зрения, способно вернуться на путь политического, властно-государственного общения. Такого рода метаморфозы можно наблюдать в развитии отношений, складывающихся в рамках Европейского Союза. В период своего основания он опирался главным образом на правовые принципы и идеалы, но постепенно, в процессе укрепления наднациональных государственных структур, все больше «сползает» к политико-властным отношениям, отрывается от исходной правовой почвы.

С точки зрения логики правового развития, национальный интерес не должен быть поглощен всеобщим, каждый из них должен иметь свое правовое закрепление и осуществление. Право человечества не исключает право наций, соответственно, наднациональные государственно-правовые структуры не отменяют национальную государственность и гражданство. Между ними должны существовать не политические отношения власти и подчинения, а правовые, когда спорные вопросы решаются в судебном порядке независимыми судебными инстанциями. Должны быть созданы механизмы, препятствующие политическому деспотизму. Ю. Хабермас интерпретирует кантовский проект всеобщего мира как переход от национальной к *постнациональной структуре*, что, на наш взгляд, принципиально неверно. У России, как и у других стран, должна сохраниться своя система национального права, но вместе с ней должна быть сформирована и система наднационального – всеобщего – права. У человечества как высшей правовой общности должна быть правовая основа, но и у нации как правовой общности также должна быть своя правовая основа, свое национальное право. Каждая из двух систем призвана служить человеку, его социально-правовые интересы должны быть их приоритетной и конечной целью.

Список источников

- Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 256 с.
Алексеев С. С. Частное право : научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : Философия права и теория права. М. : Статут, 2010. С. 321–444.
Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 1 : Античность. Восточные цивилизации / отв. ред. Л. Р. Сюкияйнен. М. : Мысль, 1999. 750 с.
Аристотель. Риторика / пер. с греч. Н. Платоновой. СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1894. XII, 204 с.

- Архипов С. И. Проблема деления права на частное и публичное // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 5–18. DOI 10.34076/22196838_2025_3_5.
- Архипов С. И. Теории социально-правового прогресса Б. Н. Чичерина и М. М. Ковалевского // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 5–15. DOI 10.34076/2219-6838-2020-5-5-15. EDN NCIUDE.
- Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII : Философия истории. М. ; Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1935. 470 с.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права : [пер. с нем.] / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц ; АН СССР, Ин-т философии. М. : Мысль, 1990. 524 с.
- Гумплович Л. Общее учение о государстве / пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Неровецкого. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. [2], XXVI, 516 с.
- Демосфен. Речи : в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова и др. ; пер. с греч. В. Г. Боруховича и др. Т. 1. М. : Памятники исторической мысли, 1994. 608 с.
- Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1875. 309 с.
- Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.) // Этическая мысль : научно-публицистические чтения / РАН, Ин-т философии ; редкол.: А. А. Гусейнов (отв. ред.) [и др.]. М. : Политиздат, 1988. С. 299–332.
- Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. : юбилейное издание 1794–1994 : [пер. с нем.] / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб. : Изд-во Н. К. Мартынова, 1886. 368 с.
- Кропоткин П. А. Современная наука и анархия : пер. с фр. под ред. автора. Петербург : М. : Голос труда, 1920. 318 с.
- Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1879. 240 с.
- Петражицкий Л. И. Очерки философии права. Вып. 1 : Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1900. 138 с.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М. : Статут, 2001. 354 с. (Классика российской цивилистики).
- Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : КНОРУС, 2014. 608 с.
- Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. В. С. Нерсесянц ; пер. с фр. Л. П. Данченко и др. М. : Норма, 2000. 310 с.
- Русская старина : ежемесячное историческое издание. Т. XV. Вып. 1–4. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1876. 678 с.
- Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 805 с. EDN KYKYUS.
- Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестник российского философского общества. 2003. № 3 (27). С. 16–25.

Информация об авторе

Сергей Иванович Архипов, д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Sergey I. Arkhipov, Dr. Sci. (Law), Professor at the Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 29.01.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 28.02.2026.

Принята к публикации | Accepted 28.02.2026.